

На территории древних Галицкой и Волынской земель археологическими исследованиями последних лет обнаружен ряд городищ, существовавших как укрепленные поселения в течение сравнительно недолгого времени. Эти поселения были основаны в конце X — начале XI в. и функционировали только в XI в.; археологический материал XII в. здесь полностью отсутствует¹. Среди этих городищ имеется несколько больших, несомненно являющихся остатками довольно значительных древнерусских городов. Русские летописи наиболее подробно освещают политическую историю Галича и Волыни в XII—XIII вв., а так как данные города в XII в. уже не существовали, они оказались не упомянутыми в письменных источниках. Несмотря на это, для некоторых из таких городищ могут быть восстановлены даже древние их наименования, сохранившиеся в названиях современных деревень: таковы, например, города Листвин (в районе г. Дубно), Коршев, Острожец (в районе Луцка), Ступница (в Прикарпатье) и др. Памятники подобного типа встречаются исключительно в полосе лесостепи; в Полесье они отсутствуют. Детальных исследований на таких городищах пока не проводилось, и поэтому еще неясно, погибли ли данные поселения в результате военного разгрома или же были просто оставлены жителями. Однако сам факт наличия на территории Галицкой и Волынской земель целого ряда укрепленных поселений (в том числе нескольких довольно значительных), заброшенных во второй половине или конце XI в., заслуживает внимания.

Чем можно объяснить это явление? Никаких крупных междукняжеских военных столкновений летопись для этой территории во второй половине XI в. не упоминает. Точно так же нет сведений о море или каком-либо стихийном бедствии. Между тем подобное явление, — оставление русским населением своих городов, — можно отметить и на соседней, более южной территории. Так, на Днестре имеется ряд русских укрепленных поселений, эвакуированных населением приблизительно в то же время². Такая же картина имеет место и на Южном Буге³. Таким образом, археологические исследования рисуют картину запустения во второй половине или конце XI в. довольно значительной

¹ См., напр., П. А. Раппорт. Отчеты о работе Отряда по изучению крепостей за 1960—1963 гг. Отчеты хранятся в архиве Института археологии АН УССР (Киев); копии отчетов — в архиве Института археологии АН СССР (Москва) и архиве Ленинградского отделения того же института.

² Крупнейшее древнерусское городище Молдавии — Алчедарское — было покинуто населением в самом начале XII в. Другое крупное городище — Екимауцкое — было разгромлено несколько раньше, еще в XI в. (Г. В. Федоров. Древнерусский город на Днестре. «Вестник АН СССР», 1960, № 10, стр. 41 и 44).

³ Сведения любезно сообщены П. И. Хавлюком (Винницкий пединститут), проводившим здесь археологическую разведку.

территории Русской земли в полосе лесостепи между Днепром и Днестром. Вряд ли могут быть сомнения в том, что это явление следует связывать с вторжением половцев. Для отдельных районов это было ясно и ранее, но отсутствие данных археологического обследования территории не позволяло составить общую картину⁴.

Следует признать, что в исторической литературе роль половецкого вторжения явно недооценивалась. Летопись описывает бедствия, связанные с половецкими набегами, в не менее мрачных тонах, чем даже монгольское нашествие. Помимо описания отдельных набегов и военных столкновений, в летописи имеются картины, рисующие запустение целых районов Русской земли — «города вси опустеша, села опустеша»⁵. Сопоставление сведений летописи с археологическими данными позволяет прийти к выводу, что это не церковно-риторические обороты, не гиперболы, а реальное описание бедствий, постигших южную Русь. Половцы впервые появились в южнорусских степях в 60-х годах XI в., но наиболее сильный их напор на русские земли относится к 90-м годам. На рубеже XI и XII вв. положение в южной Руси было настолько критическим, что все военные силы южнорусских княжеств, все дипломатические действия русских князей и все внимание летописцев были в первую очередь связаны с отражением половецкой угрозы.

В 90-х годах XI в. половцы сметают южную границу Киевской земли, проходившую по р. Роси. В 1093 г. они сжигают важнейший город Поросья Торческ, в 1095 г. русское население покидает другой важный центр Поросья — Юрьев⁶. Некоторые исследователи считали, что основное направление половецких ударов было на Левобережье Днепра, в области Переяславля⁷. Можно полагать, однако, что в не меньшей опасности находились и более западные районы и, в первую очередь, южная часть Волыни. Территория западного объединения половцев Белая Кумания простиралась до Дуная и, видимо, из этих более западных районов половцы наносили удары в направлении Галича и Волыни. Сюда же наносили ответные удары и русские войска; так, Мономах ходил на половцев «на Бог», т. е. на Южный Буг⁸. Сконцентрировав в своих руках власть над значительной частью Русской земли и объединив усилия русских князей, Мономах первым перешел к активной борьбе с половцами, организуя походы глубоко в степь и нанося удары по кочевьям и базам половцев⁹. Роль Мономаха как организатора борьбы с половцами неоднократно отмечается в летописи; много внимания уделяет этим событиям и сам Мономах в своем «Поучении». Половецкая угроза была, по-видимому, одной из причин, на некоторое время задержавших процесс феодального дробления Руси¹⁰. В связи с успешными русскими походами в глубь степей, восточная группа половцев во главе с ханом Атераком (в русской летописи — Отроком) отошла в Грузию, а западная — в Венгрию. С 20-х годов XII в. острота половецкой опасности несколько уменьшилась, хотя в течение всего XII в., судя по летописи, столкновения с половцами и половецкие набеги остаются обычным явлением.

⁴ По отношению к территориям по Южному Бугу см. Н. Молчановский. Очерк известий о Подольской земле до 1434 г., Киев, б. г. стр. 43 и 51; в отношении Поднестровья — см. Г. Б. Федоров. Основные итоги и задачи работы в области археологии юго-запада СССР. «Studii si cercetări de Istorie Veche», 2, а. X, București, 1959, p. 405.

⁵ Лаврентьевская летопись под 6601 (1093) г.; См. также П. Голубовский. Печенеги, торки, половцы до нашествия татар. Киев, 1884, стр. 83—84.

⁶ Д. А. Расовский. Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии. «Seminarium Kondakovianum», VI, Praha, 1933, стр. 53.

⁷ П. Голубовский. Указ. соч., стр. 86.

⁸ Лаврентьевская летопись, 6604 (1096) г.

⁹ И. У. Будовниц. Владимир Мономах и его военная доктрина. «Исторические записки», т. 22, стр. 86.

¹⁰ Б. А. Рыбаков. Древняя Русь, М., 1963, стр. 255.

В XII в. постепенно начался процесс нового освоения тех земель, откуда русское население ушло в период наибольшего половецкого натиска. В Поднепровье граница русской земли передвинулась даже к югу от р. Роси, вновь появились города на южной границе Воыни¹¹. Однако нижнее Поднестровье (Молдавия) и среднее течение Южного Буга так и не были снова заселены русскими.

Как же была организована оборона южнорусских земель против кочевников в XII в.? Предположения о наличии на границе степей каких-то сплошных оборонительных рубежей не подтвердились. Сохранившиеся на Украине длинные (так называемые Змиевы) валы оказались относящимися к гораздо более древнему времени и не связанными с обороной древнерусского государства¹². Одним из способов борьбы с половцами было заселение степного пограничья союзными Руси кочевническими племенами, известными в русской летописи под общим наименованием Черных Клобуков¹³. Расселенные в городках Поросья, эти кочевники принимали активное участие в борьбе с половцами, очень часто выступая под командой русских князей или воевод.

Однако еще более действенной мерой борьбы с половецкими набегами было строительство укрепленных пунктов — «городов». Оборона южнорусских земель в этот период строилась главным образом на том, что здесь существовали отдельные укрепленные пункты, способные служить защитой населению во время набегов кочевников. Такой прием укрепления границ со степью русские князья применяли еще в конце X — первой половине XI в.¹⁴. Для XII в. специальных упоминаний о таком укреплении южнорусских границ в письменных источниках нет, но археологические данные свидетельствуют о наличии в этом районе большого количества городков, либо целиком построенных в XII в., либо сильно укрепленных в это время. И именно в XII в. по всей территории южной Руси распространяется новый тип укрепленных поселений — крепости, оборонительные конструкции которых имели как военное, так и жилое или хозяйственное назначение.

Очень характерным примером такой крепости может, например, служить известное Райковецкое городище в районе гор. Бердичева¹⁵. Раскопки этого городища показали, что укрепленное поселение здесь было построено одновременно. Деревянные срубные конструкции, составляющие основу оборонительного вала, были устроены так, что внутренний ряд их клеток не был засыпан землей и выходил внутрь укрепления как помещения, которые использовались для хозяйственных нужд, а частично, видимо, и для жилья. Таким образом, несомненно, что строительство этой крепости было проведено организованно, по заранее намеченному плану.

В настоящее время укрепления такого типа известны уже на довольно значительной территории — на границе Киевской и Волынской земель (Райковецкое городище, Колодяжин, Городск, Изяславль), на Днепре южнее Киева (Воинь, Иван) и даже в Поднестровье (Ленковецкое городище в Черновицах). Для всех этих укрепленных поселений характерна их оборонительная система, которая возводилась одновременно по заранее намеченному плану, с учетом хозяйственных нужд гарнизона.

В литературе высказывались предположения, что социальный смысл данных крепостей ничем существенно не отличается от обычных фео-

¹¹ П. А. Раппопорт. Города Болоховской земли. КС ИИМК, вып. 57, 1955.

¹² П. А. Раппопорт. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв., М.—Л., 1956, стр. 169—170.

¹³ Д. А. Расовский. О роли Черных Клобуков в истории древней Руси. «Semi-narium Kondakovianum», I, Прага, 1927, стр. 94.

¹⁴ Например, строительство городов вдоль Сулы, Стугны и других рек при князе Владимире Святославиче, а затем строительство городов по р. Роси при Ярославле Мудром (См. Лаврентьевская летопись, 6506 (998) и 6540 (1032) гг.).

¹⁵ В. К. Гончаров. Райковецкое городище, Киев, 1950.

дальних замков¹⁶. С таким предположением никак нельзя согласиться. Феодалный замок — специфическое понятие; это одновременно и крепость и жилье феодала. Между тем раскопки упомянутых выше городищ показали, что в них не было какого-либо одного более богатого жилища, принадлежавшего феодалу. Все жилища в таких поселениях были примерно одинаковы по величине и характеру инвентаря. При раскопках в Колодяжине было обнаружено одно жилище несколько большее, чем остальные; это жилище могло принадлежать какому-либо княжескому администратору, военачальнику, но оно все же не настолько выделялось, чтобы можно было считать его принадлежавшим владельцу данной крепости¹⁷.

Судя по вещам, найденным в жилищах, жители данных поселений были земледельцами. Здесь найдено очень большое количество частей плугов (лемехи и чересла), кос, серпов, жерновов, огромное количество сгоревшего при гибели крепостей зерна (рожь, пшеница, овес, ячмень и др.)¹⁸. Однако самым замечательным является то, что жители этих поселений были не только земледельцами, но и воинами. В тех же комплексах, в которых найдены сельскохозяйственные орудия, было обнаружено оружие — мечи, сабли, копья, булавы, шлемы и пр. При раскопках было найдено очень большое количество шпор, в том числе много шпор с богатой инкрустацией. Таким образом, раскопки вскрыли несколько неожиданную картину — крепости оказались заселенными гарнизоном, члены которого были земледельцами и вместе с тем носили дорогое, рыцарское оружие. Этот факт не легко укладывается в наши представления о социальных отношениях в древней Руси.

Очевидно, сложная обстановка постоянной угрозы кочевнических вторжений вызвала распространение на юге Руси специфической социальной группы свободных воинов-земледельцев, военных поселенцев, нечто вроде предшественников позднейшего казачества. Ряд исследователей связывал происхождение казачества с бродниками, упоминаемыми в письменных источниках XII—XIII вв.¹⁹. Быть может, не меньше оснований искать связи казачества с гарнизонами южнорусских крепостей этого же времени. Характерно, что в половецком языке слово «козак» означало «страж»²⁰.

Многое еще неясно в отношении строительства южнорусских крепостей XII в. Откуда бралось население, составлявшее их гарнизоны? Возможно, это было местное население, которое князья освобождали от зависимости по отношению к местным феодалам и превращали в воинов. Очень вероятно, что иногда это были пленные, захваченные в других русских землях²¹.

Итак археологические исследования последних лет в сопоставлении с письменными источниками позволяют уже сейчас несколько по-иному, чем раньше, прочитать некоторые страницы истории южной Руси XI—XII вв.

¹⁶ Напр. В. И. Довженко. Древнерусские городища — замки. «Археологія», т. XIII, Київ, стр. 96 и 100.

¹⁷ Р. О. Юра. До питання про соціальну належність мешканців древнього Колодяжина. «Археологія», т. XII, Київ, 1961, стр. 99.

¹⁸ См., напр., М. К. Каргер. Древнерусский город Изяславль в свете археологических исследований 1957—1961 гг. «Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1961 г.», М., 1962, стр. 59.

¹⁹ П. Голубовский. Указ. соч., стр. 211; А. И. Попов. Кыпчаки и Русь. «УЗ ЛГУ. Серия исторических наук», вып. 14, Л., 1949, стр. 114.

²⁰ П. Голубовский. Указ. соч., стр. 211.

²¹ Так, например, в 1116 г. князь Ярополк Владимирович построил в южной части Переяславльской земли город Желни и заселил его пленными, выведенными из города Друцка (Лаврентьевская летопись, 6624 г.).